

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВО «ЮУрГГПУ»)

ФАКУЛЬТЕТ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
КАФЕДРА РУССКОГО ЯЗЫКА И МЕТОДИКИ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Тема выпускной квалификационной работы

**Языковые особенности речи героев в произведениях
А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича»
и В. Т. Шаламова «Колымские рассказы»**

**Выпускная квалификационная работа по направлению 44.03.05
Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)**

Направленность программы бакалавриата

«Русский язык. Литература»

Форма обучения заочная

Проверка на объем заимствований:

68,13 % авторского текста
Работа рекомендована к защите
рекомендована/не рекомендована
« 11 » 03 2022 г.
зав. кафедрой русского языка и МОРЯ
д.ф.н. Н.В. Глухих

Выполнила:

Студентка группы ЗФ-615-075-6-1
Абзалутдинова Татьяна Николаевна
Научный руководитель:
кандидат филологических наук, доцент
Шибакова Лариса Геннадьевна

Челябинск

2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА «ЛАГЕРНОЙ ПРОЗЫ»	7
1.1 А. И. Солженицын и В. Т. Шаламов. Краткие биографии	7
1.2 «Лагерная проза»: понятие, специфика	9
1.3 «Лагерная лексика».....	11
1.4 Блатной жаргон	13
ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ	15
ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ РЕЧИ ГЕРОЕВ В РАССКАЗЕ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА «ОДИН ДЕНЬ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА» И В «КОЛЫМСКИХ РАССКАЗАХ» В. Т. ШАЛАМОВА	15
2.1 Особенности лексики в речевой характеристике у героев в рассказе А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» и в «Колымских рассказах» В. Т. Шаламова.....	16
2.1.1 Образ повествователя и роль несобственно-прямой речи.....	16
2.1.2 Разговорная основа стиля.....	23
2.1.3 Общелитературная лексика в рассказе А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» и «Колымских рассказах» В. Т. Шаламова	25
2.1.4 Диалектные и просторечные формы в языке рассказа А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» и «Колымских рассказах» В. Т. Шаламова.....	34
2.1.5 Тюремный жаргон в рассказе А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» и «Колымских рассказах» В. Т. Шаламова	35
2.2 Особенности словообразования в рассказе А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» и «Колымских рассказах» В. Т. Шаламова.....	39
2.3 Грамматические особенности рассказа А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» и «Колымских рассказов» В. Т. Шаламова	43
ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ	49

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	50
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	53

ВВЕДЕНИЕ

«Лагерная проза» – это направление, появившееся в русской литературе во второй половине XX в. Термин «лагерная проза» появился в 1980-е гг., когда были опубликованы воспоминания и художественные произведения о ГУЛАГе. «Открыл» «лагерную» тему «Один день Ивана Денисовича» А. Солженицына. А В. Шаламов (1907-1982 гг.) завоевал известность шестью циклами очерков «Колымские рассказы», написанных в 1954–1973 гг. «Колымские рассказы» – это не просто воспоминания человека, прошедшего через ужасы советских лагерей, – это литература особого рода – «новая проза», как называл ее сам писатель.

В. Т. Шаламова и А. И. Солженицына в полной мере можно считать писателями, положившими начало лагерной теме в советской литературе. Это первые правдивые свидетельства о жизни заключённых в лагерях. «Лагерная проза» – это течение в русской художественно-документальной прозе, характерное для периода хрущевской «оттепели»; взяло в свою основу традиции из «каторжной прозы» XIX в. (можно встретить в текстах С. В. Максимова «Сибирь и каторга», Ф. М. Достоевского «Записки из Мёртвого дома», сибирских очерках В. Г. Короленко, П. Ф. Якубовича-Мельшина «В мире отверженных», А. П. Чехова «Остров Сахалин»).

Подходы к подаче темы у Шаламова и Солженицына различны. Сам Шаламов говорил, что *«Колымские рассказы» – это новая русская проза. Они показывают человека в исключительных обстоятельствах, где обнажаются безграничности его отрицательной сущности... Человек оказался гораздо хуже, чем о нем думали русские гуманисты XIX и XX вв. Вот об этом «Колымские рассказы».*

Ни к какой «солженицынской школе» Шаламов не принадлежал. Он довольно сдержанно относился к его работе в литературном плане.

В вопросах искусства, связи искусства с жизнью у Шаламова нет согласия с Солженицыным.

Солженицын всегда был весь в литературных мотивах классики второй половины девятнадцатого века, писателей, растоптавших пушкинское знамя. Но лагерная тема – это идея не художественная, не назвать это и литературным открытием, не моделью прозы... Но и в толковании лагеря Шаламов был не согласен с «Иваном Денисовичем» решительно...

Цель работы – рассмотреть языковые особенности персонажей как представителей «лагерной прозы» на материале произведений «Один день Ивана Денисовича» А. И. Солженицына и «Колымские рассказы» В. Т. Шаламова.

Задачи:

1. Определиться с понятиями «лагерная проза», «лагерная лексика».
2. Выявить языковые особенности речи героев в произведениях «Один день Ивана Денисовича» А. И. Солженицына и «Колымские рассказы» В. Т. Шаламова.
3. Сравнить языковые особенности двух произведений; найти общее и различное.

Объект – рассказ «Один день Ивана Денисовича» А. И. Солженицына и «Колымские рассказы» В. Т. Шаламова.

Предмет – языковые особенности героев произведений «Один день Ивана Денисовича» А. И. Солженицына и «Колымские рассказы» В. Т. Шаламова.

Метод: описательный; прием сплошной выборки; метод количественно-симптоматических подсчетов.

Актуальность исследования заключается в обостренном внимании современной науки к теме лагерной прозы и языковым особенностям произведений по этой теме.

Практическая значимость работы. Материал и результат нашей работы возможно использовать при вузовском преподавании на спецкурсах по современному русскому языку и на специальных семинарах по анализу текста в лингвистике.

Работа состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка.

ГЛАВА 1. ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА «ЛАГЕРНОЙ ПРОЗЫ»

1.1 А. И. Солженицын и В. Т. Шаламов. Краткие биографии

Каждый писатель вкладывает в своего героя частичку себя: своей биографии, своего миропонимания, своего мироощущения, своих мыслей и раздумий. Поэтому нам не обойтись без знаний биографии рассматриваемых нами писателей. Обратимся к ней.

Солженицын родился в крестьянской семье, в Кисловодске, в 1918 г. Родной отец скоропостижно скончался за полгода до его рождения, от полученных ранений во время охоты. 1918 год был совсем непростым для нашей страны. Семья Солженицына осталась без имущества. Солженицын закончил физико-математический факультет в Ростове-на-Дону, параллельно поступил в ИФЛИ (Московский институт философии, литературы и истории).

В годы ВОВ был на фронте. В 1945 г. сотрудники контрразведки в письме Солженицына к одному из друзей обнаружили, что он пренебрежительно назвал Ленина Вовкой. За этот проступок Солженицыну дали 7 лет ИТЛ. Там Солженицын увидел совсем другую жизнь. Но он не отчаивался. В тюрьме он обратился к религии, познакомился с интересными людьми, прошёл сокращённый курс филологических дисциплин. Там же он и писал. Хранить свои сочинения он не мог, поэтому заучивал их наизусть.

В 1950 г. писатель попадает в Экибастуз, на общие работы, где узнаёт непосильный труд литейщика и каменщика. Будучи от природы наблюдательным, Солженицын изучает лагерные порядки и сочиняет. И снова держит всё в памяти [3, с. 367-385].

В 1952 г. Солженицын принимает участие в Экибастузском восстании заключённых, на которое они решились из-за невыносимых условий труда. Там же писатель узнаёт, что болен раком.

По окончании срока был сослан в Казахстан, в посёлок Кок-Терек на вечное поселение. Здесь он переносит все свои сочинения на бумагу. Но, боясь обыска, вынужден был прятать рукописи в металлические сосуды. Болезнь проявила себя, писатель чудом выжил и решил впоследствии, что это божественная сила смогла сохранить ему жизнеспособность. А жить нужно для того, чтобы весь мир узнал о чудовищных условиях советских заключенных.

Вскоре состоялся знаменитый партийный съезд, по результатам которого писатель был реабилитирован. Получив долгожданную свободу, он устраивается на работу преподавателем в сельскую школу Владимирской области. Спустя семь лет он переехал в город Рязань, где устроился работать преподавателем математики в одну из городских школ. В вечернее время занимается творчеством. Библиографы считают, что большинство произведений автора обильно насыщено автобиографическим материалом [18, с. 12-17].

После выхода в свет книг Солженицына о лагерной жизни появилась книга В. Шаламова «Колымские рассказы» на ту же тематику. Но это не однотипные произведения, хотя и объединены общей темой. Проза Шаламова – это нечто новое в лагерной тематике.

Шаламов родился в 1907 г. в семье вологодского священника. Уже в юности начал писать. Учился в Московском университете. Первый арест случился в 1929 г., когда писателя обвинили в распространении будто бы поддельной бумаги, носящей завещательный характер относительно вождя революции. За это его осудили на целых три года. Отбывал срок на Урале. Повторно арестован в 1937 г. Второй срок отбывал уже на Колыме. А обвинили его за идейные высказывания, носящие троцкистские предубеждения. Летом 1943 г. он был осужден в третий раз. Срок уже был большой – десять лет, за антигосударственную позицию. В 1951 г. был освобожден. Однако въезд и проживание в столице оказалось под запретом.

Ни семьи, ни здоровья после тюремных заключений не осталось. Его реабилитировали после XX съезда КПСС [30, с. 487-492].

В «Колымских рассказах» Шаламов отражает безысходную атмосферу. Он наиболее полно показывает тупик морали человека, место, где личность заканчивается. Место, где человек уже не человек, а его положение характеризуется «зачеловеческим».

1.2 «Лагерная проза»: понятие, специфика

Несмотря на то, что уже более 40 лет отечественные литературоведы изучают такое явление в нашей литературе, как «лагерная проза», единого определения до сих пор не сформулировано. Лагерный опыт России до настоящего времени полностью не осмыслен и не пережит, в отличие от европейских стран, где этой теме уделяется много времени и выделяется место в школьной программе. Самоанализ событий лагерной жизни, воспоминание о ней являются отправной точкой для создания произведений на «лагерную тематику».

В 1989 г. вышла в свет статья под авторством И. Сухих, в которой он называет Шаламова, Л. Разгона, А. Жигулина, В. Гроссмана представителями «новой прозы».

Литературовед Ю. В. Малова считает, что термин «лагерная тема» появился впервые в эссе «О прозе», написанном В. Шаламовым [39, с. 58-66]. Позже «лагерную тему» переименовали в «лагерную прозу». Малова проводит параллель между «лагерной прозой» XX века и «каторжной прозой» XIX в. и находит много общего [21, с. 4-19].

По мнению И. В. Некрасовой, в «лагерной прозе» XX в. существовало два направления: реально-историческое и экзистенциальное.

В 1996 г. под авторством О. В. Васильевой вышла статья, в которой она говорит о крайней похожести повествования В. Шаламова и

А. Солженицына. Общими для них являются также тема ужаса и абсурда лагерной жизни.

М. Михеев отмечает, что отличительной особенностью прозы нового формата и содержания считается претворительный способ, при котором происходит переосознание жизни как таковой.

В статье, датированной 2013 г., А. В. Сафронов выявил черты жанра путешествия, характерный для некоторых произведений «каторжной прозы»:

- в основе композиции – путь на каторгу, в заключение;
- описание лагеря, тюрьмы как особого мира, особого государства;
- рассказ о заключённых: их история, иерархическая лестница, причины, толкнувшие на преступление, отношения между осужденными за разные виды преступлений, эстетика, обычаи, философия, язык и фольклор [29, с. 139-154].

Но всё же нельзя сказать, что все произведения, относящиеся к жанру «лагерной прозы», построены по одинаковому принципу, рассказывают о похожих героях и событиях. Нет. Некоторые написаны в жанре очерков, другие – в жанре художественных рассказов. Да и герои у них не везде представлены среднестатистическим типажом. Есть и интеллигенты, люди умственного труда, волей судьбы и партии, попавшие в застенки.

Жизнь на свободе и жизнь вне её – это два совершенно разных мира со своими особенностями. Полуостров Колыма воспринимается героями «лагерной прозы» как остров, потому что совершенно оторван от той, нормальной жизни – жизни свободного человека. Особенно ярко это обрисовано в произведениях В. Шаламова [4, с. 143-151].

Общим для всех произведений данного жанра является восприятие окружающего «лагерного мира» как ада на земле, обыденности человеческой смерти, полного абсурда всего происходящего, упоения властью, данной государством.

Люди, попавшие в лагерные застенки, ведут себя неодинаково: кто-то пытается осмыслить свою жизнь, размышляет на вечные темы, кто-то

пытается противостоять системе, кто-то ломается под натиском системы, не в силах ей противостоять, кто-то и вовсе теряет человеческий облик.

Итак, что же такое «лагерная проза»? Проанализировав взгляды отечественных литераторов, можно сказать, что это вектор развития литературы, оформившийся во второй половине XX в. Его появление было предсказуемо. Художественный образ произведения строится на основе рассказа очевидца места событий, конструктивного анализа архивов и прочих документов, подтверждающих это явление. Люди, опавшие в тюрьму, являются представителями разных культурных и социальных слоев огромной страны, но все они, попав в «места не столь отдаленные» вынуждены жить по определенным законам, понимать «особый» язык.

1.3 «Лагерная лексика»

Во времена царской России на каторге зародился уголовный жаргон. Но он не был так распространён, как советское время.

В советских лагерях на одной территории жили как осужденные по политическим мотивам, так и представители преступного мира, которые и являлись носителями лагерного жаргона. Время, проведенное в лагерях, оставило свой отпечаток на речи осужденных. Выйдя на свободу, многие из них стали говорить на блатном языке, ставшем для них нормой.

Язык, как губка, впитывает всё, что происходит в социуме. Более двадцати миллионов граждан СССР прошли через лагеря, и лишь совсем малая часть, что-то около пяти процентов были настоящими уголовниками. Большинство заключённых – обычные граждане, ставшие неудобными сталинскому режиму. В лагерях были собраны люди со всех уголков нашей стране, что тоже отразилось на «лагерной лексике»: в ней много просторечных слов со всех уголков России.

Всю лагерную лексику условно можно разделить на две части: собственно, лагерную лексику и авторскую лексику, при помощи которой

конкретный автор показывает своему читателю лагерное существование. Остановимся на каждой из них поподробнее.

1) Собственно лагерная лексика. Лексемы, входящие в её состав, однообразны, стабильны, обладают малой вариативностью или же вообще не имеют вариантов. Большинство этих слов лишено авторского стиля. Но есть и исключения.

Рассмотрим слово «доходяга», которое часто используют писатели. Так называют крайне истощённого человека, стоящего на грани смерти. В русском литературном языке слово «доходить» невозможно употребить без дополнения с предлогом «до», а в лагерном языке слово «доходить» является самостоятельным понятием, которое используется для обозначения личности, раздавленной лагерной системой.

Само слово «лагерь» в русском языке имеет несколько совсем различных значений: немецкий концентрационный, советский исправительно-трудовой, пионерский. То есть лексема «лагерь» апеллирует сразу к нескольким концептам.

2) Авторская лексика. Посредством подобной лексики будут проявляться характерные черты конкретного писателя. Например, слово «сентенция» есть только в «Колымских рассказах» В. Шаламова. Через эту лексему он показывает возвращение к жизни, очеловечивание.

Жизнь в лагерных застенках не только ожесточает человека, она и отупляет его разум. Главным становится желание выжить, поэтому все мысли заключённого занимают голод, холод, боль, страх, смерть. Лагерный писатель не может выйти за пределы этих тем, поэтому круг тем его произведений достаточно невелик. Лагерный мир – это мир наоборот, это перевёрнутые вверх дном человеческие ценности. В лагерной литературе теснейшим образом переплетены радость и страх, добро и зло.

В XX в. возник лагерный субъязык как отдельный социолект. «Лагерную прозу» крайне сложно переводить на другие языки мира. Жителям других стран совершенно непонятен быт лагерей СССР, ведь в их

странах и не существовало такого понятия, как концентрационный лагерь. Поэтому передать особый колорит «лагерной прозы» иностранному читателю, не говорящему на русском языке и не имеющему ни малейшего представления о лагерной жизни, крайне затруднительно, почти невозможно. Единственным вариантом донести до иностранного читателя смысл арготической лексики является употребление схожих или синонимичных понятий.

Основой лагерного субъязыка является специфическая лексика – лагеризмы, большая часть которых содержит культурный компонент значения [5, с. 24]. По своим фоновым характеристикам и по основному понятийному компоненту семантики большое количество лагерных лексем можно отнести к полноэквивалентной лексике. Подобную лексику некоторые исследователи относят к «антикультурному» компоненту [6, с. 20-25].

1.4 Блатной жаргон

Жаргон – это социолект. Его отличает от общеразговорного языка особой лексикой и фразеологией, экспрессией речевых оборотов, непривычным применением словообразовательных средств. При этом у него нет своей фонетической и грамматической системы [46].

Жаргон присущ определённой субкультуре. **Субкультура** – область культуры, независимое целостное образование внутри господствующей культуры. У каждой субкультуры есть собственные ценностные ориентиры, обычаи, нормы [47].

Тюремный жаргон формируется в замкнутом пространстве между осужденными гражданами. Он сосуществует с родным языком, вместе они являются средством коммуникации в сложившихся жизненных условиях.

Тюремный жаргон называют «феней», без знания его невозможно наладить отношения с другими осужденными. Данный язык нельзя назвать продуктом, созданным исключительно в преступной среде, в него вошли

слова профессиональной лексики и жаргонизмы самых разных групп населения нашей страны.

Развитие жаргонных слов оказалось взаимосвязанным с социально-финансовой и политической ситуацией, сложившейся в России на начало XX в. В это время правонарушители были разных наций, произошло смешение жаргонов. Позднее, после окончания мировой войны, жаргонный словарь пополнился западноевропейскими фразами и словами.

Жаргонная лексика постоянно пополняется новыми словами, уходят в небытие устаревшие слова и выражения, иногда ушедшее из частого оборота слово вновь становится актуальным.

В России жаргон называли «блатной музыкой или «феней». Каждой категории преступников были присущи свои жаргонные словечки. Отличался состав жаргонного языка и у представителей разных регионов нашей страны. Но все категории преступников понимают и используют общий условный язык. Особой группой является тюремный жаргон, главная цель которого – информативность. Словарь жаргонизмов не может охватить лексические концепты, поэтому в нем существует система намеков и подтекстов типа «Понял?».

В жаргонной лексике преступного мира мы не найдём концептов ласки, нежности, доброты, верности, честности, привязанности, открытости, ведь все эти качества представителям преступного мира неведомы. Чтобы высказать уважительное отношение к человеку, говорят «правильный мужик». Неслучайным является и то, что у слова «украсть» существует более пятидесяти синонимов, а у слова «заработать» – только пять; чтобы оскорбить человека, можно применить более ста слов, а, чтобы похвалить – только десять.

Цель блатного жаргона – создание на основе русского языка средства коммуникации маргинальной группы общества.

ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ

В первой главе работы предоставлены теоретическое обоснование для заявленной темы. Представлены краткие сведения из биографий А. И. Солженицына и В. Т. Шаламова.

Рассмотрев «лагерную прозу» как явление, мы дали определение этому направлению, выявили ее специфику. Разграничили «лагерную лексику» на два направления: 1) собственно лагерная; 2) авторская лексика.

Выяснили, что основой лагерного субъязыка является специфическая лексика – лагеризмы, большая часть которых содержит культурный компонент значения.

«Лагерная проза» является вектором развития литературы, оформившийся во второй половине XX в. Его появление было предсказуемо. Художественный образ произведения строится на основе рассказа очевидца места событий, конструктивного анализа архивов и прочих документов, подтверждающих это явление. Люди, опавшие в тюрьму, являются представителями разных культурных и социальных слоев огромной страны, но все они, попав в «места не столь отдаленные» вынуждены жить по определенным законам, понимать «особый» язык.

Общим для всех произведений данного жанра является восприятие окружающего «лагерного мира» как ада на земле, обыденности человеческой смерти, полного абсурда всего происходящего, упоения властью, данной государством.

ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ РЕЧИ ГЕРОЕВ В РАССКАЗЕ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА «ОДИН ДЕНЬ ИВАНА ДЕНИСОВИЧА» И «КОЛЫМСКИХ РАССКАЗАХ» В. Т. ШАЛАМОВА

2.1 Особенности лексики в речевой характеристике у героев в рассказе А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» и в «Колымских рассказах» В. Т. Шаламова

При рассмотрении особенностей лексики рассказа А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», можно увидеть, что лексика рассказа адекватна грубой лагерной жизни героя. В речи Ивана Денисовича и других лагерников много пословиц и поговорок, часто оригинальные: «Мороз лют, а бригадир лютей», «Кто кого может, тот того и гложет». Благодаря этому у автора получилось создать народный характер, характер человека, не сломленного ужасным лагерным режимом, сумевшего остаться справедливым и милосердным. Иван Денисович сумел адаптироваться к новым реалиям жизни, будучи человеком набожным, понял, что нужно смириться и принять всё как должное, ведь протест в данном случае бесполезен. Он грезит мыслями о семье, о родном доме.

2.1.1 Образ повествователя и роль несобственно-прямой речи

Солженицын поставил себе сложную стилистическую задачу. После сливания образов автора и героя им была создана точно очерченная речевая маска, соединявшая в себе:

- 1) индивидуальную особенность речи данного героя в отношении с его характером,
- 2) тегменевский говор и его широко известные приметы (конкретно – общие черты их диалектно-просторечного говора, характеризующие современного человека из крестьян),

3) колорит речевой среды, окружавшей его в заключении. Здесь нужно не оставить без внимания и особенность индивидуальной речи у других персонажей. Сложность в этой структуре при использовании этих речевых пластов была и в том, что они должны заключаться в синтаксическую структуру несобственно-прямой речи.

Несобственно-прямая речь часто даёт возможность лучше показать характер персонажа. В анализируемом произведении она большую свободу для автора, для оснований для наибольшего (если сравнивать с прямой речью) при объективизации изображаемого в произведении. В некоторых фрагментах мы можем увидеть, как речь из «шуховско-авторской» переходит в «авторско-солженицынскую»:

«Вблизи от них сидел за столом кавторанг Буйновский... он также занимал сейчас незаконное место здесь и мешал новоприбывающим бригадам, как те, кого пять минут назад он изгонял своим металлическим голосом. Он недавно был в лагере, недавно на общих работах. Такие минуты, как сейчас, были (он не знал этого) особо важными для него минутами, превращавшими его из властного, звонкого морского офицера в малоподвижного осмотрительного зэка, только этой малоподвижностью и могущего перемочь отверстанные ему двадцать пять лет тюрьмы» [35, с. 82].

Открылись большие возможности не только крестьянина Шухова, но и духовный мир интеллигенции лагеря:

«А Вдовушкин писал свое. Он вправду занимался работой «левой», но для Шухова непостижимой. Он переписывал новое длинное стихотворение, которое вчера отделал, а сегодня обещал показать Степану Григорьевичу, тому самому врачу, подборнику трудотерапии» [цит. по 35, с. 95].

Перемещение в композиционно-стилистическом направлении даёт возможность увидеть расширение всех тематических, а за ними и образных, языковых сфер в повести. «Властный, звонкий морской офицер», «трудотерапия», сложный «толстовский» период синтаксиса: «такие минуты

были (он не знал этого) для него особо важными» – вот это все уже находится за рамкой речевой маски главного героя.

Процесс этот может явить себя и в противоположном направлении – полемика между косвенной и прямой речью в границах предложений, периодов, а иногда даже эпизодов:

«Как хвост (колонны эков. – *Т. В.*) на холм вывалил, так и *Шухов* увидел: справа от *них*, далеко в степи чернелась еще колонна, шла она *нашей* колонне наперекос и, должно быть, увидав, тоже припустила. Могла быть эта колонна только мехзавода...»

Дорвалась *наша* колонна до улицы, а мехзаводская позади жилого квартала скрылась... Тут-то *мы* их и обжать должны!» [цит. по 35, с. 74].

На основе вышесказанного можно сделать вывод, что автор, благодаря своему герою, может сказать нам о своей причастности к тем событиям, о которых рассказывается. Показана высокая острота, с помощью показанной горечи иронии в крайней степени обнаженности.

Очень выразительно показан стилистический сдвиг при передаче прямой речи фоне несобственно-прямой в общем. Через особенности восприятия Шухова проходит и прямая речь и других персонажей:

«Кладет Шухов (кирпичи. – *Т. В.*), кладет и слушает:

– Да ты что?! – *Дэр кричит, слюной брызгает.* – Это не карцером пахнет! Это уголовное дело. Тюрин! Третий срок получишь!

Ух, как бригадирово лицо перекосило! Ка-ак швырнет мастерок под ноги! И к Дэру – шаг! Дэр оглянулся – Павло лопату наотмашь подымает... *Дэр заморгал, забеспокоился, смотрит, где пятый угол.*

Бригадир наклонился к Дэру и *тихо так совсем, а явственно здесь наверху:*

– Прошло ваше время, заразы, срока давать. Ес-сли ты слово скажешь, кровосос, – день последний живешь, запомни!

Трясет бригадира всего. Трясет, не уймется никак» [цит. по: 35, с. 99].

В эпизодах также ярко представлен этот сдвиг, где у автора происходит столкновение психологических результатов из жизненного опыта противоположного. Показан и прием отстранения, в которых раскрыты показанные вещи с новой, другой стороны. Используя это, Солженицын старается показать простодушное отношение героя-Шухова к интересам Цезаря и по отношению к его собеседникам, к их, по утверждению Шухова, неясному и будто бы ненастоящему миру за стенами зоны:

«Цезарь Шухову улыбнулся и сразу же с чудачком в очках, который в очереди все газету читал:

– Аа-а! Петр Михалыч!

И – расцвели друг другу как маки. Тот чудак:

– А у меня “Вечерка”, свежая, смотрите! Бандеролью прислали.

– Да ну? – И суется Цезарь в ту же газету. А под потолком лампочка слепенькая-слепенькая, чего там можно мелкими буквами разобрать?

– Тут интереснейшая рецензия на премьеру Завадского!..

Они, москвичи, друг друга издаля чуют, как собаки. И, сойдясь, все обнюхиваются, обнюхиваются по-своему. И лопочут быстро-быстро, кто больше слов скажет. И когда так лопочут, так редко русские слова попадают, слушать их – все равно как латышей или румын» [цит. по: 35, с. 115].

Рассмотрим рассказчика в «Колымских рассказах» Шаламова. Принято выделять диегетического повествователя (то есть, того, кто принадлежит, или включен в мир самого текста) и второго, – экстра-диегетического, который описывает события словно извне. Диегетический показывает нам, читателям, все события, очерченные с гораздо субъективной точки, чем второй. Шаламов использует оба типа.

У Шаламова мы видим «автора», упоминающего или прямо описывающего среди персонажей – именно в их числе – себя самого. Т. е. это «я» (1-е л. Ед. числа), называет его каким-нибудь именем, не всегда совпадающим с его собственным (именем реального автора), лишает его

имени вовсе, оставляет «я» безымянным. Случаи упоминания с описанием «я» или без описания – это Я-повествование. Их надо отличать, во-вторых случаев изложения, когда повествователь формально вовсе устраняется, показывает происходящее, себя при этом не называет и не описывает, устраняется. Этот способ – Он-повествование. Оба способа могут сложить в сознании читателя образ вездесущего писателя или, напротив, абсолютно ненадежного.

Итак, внешний, «объективный», наш повествователь ведет рассказ, без обсуждений и не упоминаний тех, кто всё рассказывает, а внутренний, «субъективный», повествователь материально присутствует в тексте, рассказывая читателю о самом себе посредством метатекста, автокомментариев, эго-текста. Также она может вводиться одним из персонажей через обращения к тем, кто в авторской речи именован местоимением 1-го л. ед. числа. По этой причине повествовать от имени «я» представлен сложнее, чем если бы об этом «я» ничего не говорилось.

Хотя, если смотреть с другого ракурса, то проще окажется именно Я-повествование. Читатель должен различать «я», соответствующее реальному человеку, автора текста, и «я» им созданное и навязываемое читателю – повествователя.

В первом сборнике прозы Шаламова «Колымские рассказы» (1954-1962 гг.) представлено 33 рассказа, во втором (1956-1965 гг.), «Левый берег», – 25, в третьем (1955-1965 гг.), «Артист лопаты», – 28. Создавались тексты в течение 12-ти лет. Туда же относят 30 текстов из циклов «Воскрешение лиственницы» (1965-1967 гг.) и также 21 текст цикла «Перчатка, или КР-2» (1962-1973 гг.). Цикл рассказов «Очерки преступного мира» стоит немного в стороне, почти выходя из КР в целом.

Из 84 рассказов трех первых циклов большая часть написана от «я» без имени, («я» + б/и) и почти треть – рассказы об «он» + имярек: конкретно об определенном герое, без формального следа присутствия автора. У 51

рассказа из двух последних циклов от «я» + б/и насчитывается 42 рассказа, т.е. более 4/5, и лишь 1 рассказ – об «он» + имя.

Подведём итог: из 135 текстов из всех пяти циклов написаны от «я» + имя только 7 рассказов (это составляет 5%). И лишь единожды это «я» соответствует авторской фамилии действительно – Шаламов (из очерка «Мой процесс», 1960 г.). В другом к «автору» обращение по имени и отчеству – Василий Петрович (1960 г., «Надгробное слово»); еще два раза его именуют под фамилией Андреева («Заговор юристов», 1962 г., «Инженер Киселев», 1965 г.), но во множестве других рассказов с виду тот же Андреев показан и как «он»! Еще дважды «я» называется под фамилией Крист («Человек с парохода», 1962 г.); также с именем и отчеством – Роберт Иванович Крист («Геологи», 1965 г.). И ещё, в седьмой раз, повествователь выводится все же под настоящим именем – Варлам Тихонович («Галина Павловна Зыбалова», 1970-71 гг.). Много рассказов от «я» + б/и автобиографичны.

В рассказе «Домино» (1959 г.) указывается рост и вес автора: вес 48 килограммов, рост 180 сантиметров, т.е. за вычетом веса от костей, на нем мяса оставалось 16 килограммов, ровно пуд всего. Из биографии самого Шаламова известны сведения, что таков был его вес в лагере.

Подумаем, какая из форм поближе к автобиографической, а какая будет относиться к повествованию художественному? 1) Повествование-Я + б/и, 2) с называемым в текстах именем («я» + имя); 3) повествование-Он и именами разных героев и без учета авторского «я» («он» + имярек)? К этому также: 3а) с реальным именем у героя – или все же 3б) выдуманным? И сюда же: 2а) с именем повествующего, совпадающим именем автора, или 2б) нет? Какой из представленных вариантов (с 1 по 3) будет находиться гораздо ближе к эго-тексту? Автор по-разному решал в тексте эту проблему.

Обратимся к текстам. Повествователь здесь – не персонаж, он знает и понимает больше, чем его герои.

В рассказе «Тифозный карантин» (1959, КР-1) от лица автора выступает герой – Андреев Павел Иванович. Многие события взяты из жизни Шаламова: во время карантина ему был 31 год, по профессии он дубильщик, читает на память стихи. Возможно, для экспрессии нужно было сказать, что это был сам автор, но не всё можно о себе рассказывать, должно оставаться что-то личное, неприкосновенное. А ещё есть много неприглядных событий, участником которых он являлся, и о которых вспоминать не хочется. Жизнь на каторге была чересчур суровой.

У писателя была неоднократно повторяемая установка. Подразумеваемая лагерь, Шаламов говорил: «Рассказывать об этой жизни нельзя от первого лица» («Память», 1970-е).

У Шаламова множество рассказов, которые написаны от словно безлично-исключительно о ком-либо из героев, людей, животных, представляемых для читателя как «он», с нарочитым отсутствием авторства. Немало и тех рассказов, которые были написаны от Я авторского 1-го л. ед. числа, но большая часть без озвучивания собственного имени; иногда ФИО показаны исключительно при обращениях к автору от одного из персонажей. Но все рассказы – о самом себе.

Такое использование «я» намекает на то, что всё это могло происходить с кем угодно. Возможно, это много-размытое «я» и является искомым субъектом рассказчика-автора в анти-романе, принципы стилистики которого, как и сам представленный термин, Шаламов, вероятно, позаимствовал у французов (встреча в Ленинграде зарубежных писателей в 1963 г.).

Рассказы Шаламова могут включать и «вложенных» рассказчиков, показывая у себя не один тип повествования, словно на разных уровнях.

Когда нет местоимений, имен, знакомых фактов и их свойств, принадлежащих непосредственно авторской инстанции, то речь пойдет о человеке в общем и целом («В бане» 1955 г.). При этом текст исчерпывает себя, как правило, определенными общими гипотезами и с представлением

фактов. Рассказ может оказаться и лирическим мини-монологом, раскрытым воспоминанием («По снегу» 1956 г., «Стланик» 1960 г.).

Выбор способа повествования не всегда можно однозначно объяснить. При сравнении «Тифозного карантина» (1959, «он» и Андреев) с намного позже написанным рассказом «Вечная мерзлота» (1970, «я» + б/и), то первый случай – перед нами художественное повествование классическое, а в последнем – «острие рассказа как бы повернуто внутрь, к самому автору, невольно ставшему причиной гибели другого человека. Это – суд над самим собой».

Можно сделать вывод, что своеобразная игра со множеством разнородных повествователей – важное нововведение Шаламовской «новой» прозы. Но оно не было продолжено в других его текстах.

2.1.2 Разговорная основа стиля

Рассмотрим особенности стиля рассказа Солженицына. Разговорный стиль достигается путём сплетения у прямых, несобственно-прямых и косвенных речей. Здесь для нас представляется такая особенность стиля повествования у Солженицына, как детальное дробление фактов на более простые элементы в составе описания у каждого. Ощущается оно мало, но на деле оказывается преисполнено глубоким смыслом, повествование не замедляется; ритм становится монотонным. В разговорной речи допущена совмещенность деталей с экспрессивностью быстро рубленой фразы, с большим количеством вопросительных и восклицательных фигур, окрашенных эмоционально, в синтаксисе есть повторы, вводные слова и обороты, порядок слов тоже определен; контаминация разных предложений по их синтаксическому строению:

«-Там, верное дело, месяц погреться негде будет – ни конурки. И костра не разведешь – чем топить? Вкалывай на совесть – одно спасение».

«-Ну, держись, краснофлотцы! Тридцать градусов верных!»

«-И Шухов решился – идти в санчасть».

«-И тут же чья-то имеющая власть рука сдернула с него телогрейку и одеяло».

«-Шухов скинул бушлат с лица, приподнялся. Под ним, равняясь головой с верхней нарой вагонки, стоял худой Татарин». [34, с. 5-7].

При изучении разговорной речи в творчестве Солженицына нужно рассматривать несколько явлений. Обратимся к тексту рассказа, а именно к рассуждениям Шухова на тему арестантских размышлений:

«-Дума арестантская – и та несвободная, все к тому же возвращается, все снова ворошит: не нащупают ли пайку в матрасе? в санчасти освободят ли вечером? Посадят капитана или не посадят? И как Цезарь на руки раздобыл белье свое теплое? Наверное, подмазал в каптерке личных вещей, откуда ж?») или вспомним про то, как хлеб распределить («вот хлеба четыреста, да двести, да в матрасе не меньше двести. И хватит. Двести сейчас нажать, завтра утром пятьсот улупить, четыреста взять на работу – житуха!» [цит. по: 35, с. 144].

Можно уделить внимание и некоторым отдельным фразам :

«-Не санчасть его теперь манила – а как бы еще к ужину добавить?»

«-Цезарь богатый, два раза в месяц посылки, всем сунул, кому надо, – и придурком работает в конторе...»... – и другие. В этих фрагментах четко видно преобладание разговорно-просторечной интонации, выступающей в гармонии с обликом рассказчика в тексте. Благодаря этому эффекту, атмосфера в повести представлена просто и естественно.

Обратимся к тексту Шаламова. Там мы видим такие слова.

Военщина – название профессиональных преступников, принимавших участие в Великой Отечественной войне.

«На пароходах и поездах в Магадан и в Усть-Цильму стали прибывать осужденные после войны воры. «Военщина» – такое название они получили впоследствии» (кн. 2, с. 62)

Голубая кровь – так говорят о представителях категории потомственных блатарей: «Проще воспитываются представители «голубой крови», потомственные блатари» [цит. по: 35, с. 164].

Друг народа – сочетание, которое принадлежит Шаламову. Это заключенный с особыми привилегиями в лагере. Слово образовано так же, как и «враг народа»:

«В 1938 году, когда между начальством и блатарями существовал почти официальный «конкордат», когда воры были объявлены «друзьями народа», высокое начальство искало в блатарях орудие борьбы с «троцкистами» [35, с. 172].

«В этом третьем вихре огромную роль сыграли блатари, уголовники, «друзья народа». [цит. по: 35, с. 183].

Итак, оба автора обращаются к разговорной лексике.

2.1.3 Общелитературная лексика в рассказе А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» и «Колымских рассказах»

В. Т. Шаламова

Язык рассказа Солженицына представляет синтаксически-стилистический строй, сложен в результате своеобразного использования смежных возможностей сказа, путем сдвига прямых высказываний и авторских, с особенностями разговорной речи. Это полностью соответствует идее и композиции рассказа.

Конечно, здесь много слов разговорной речи, просторечий, тюремного жаргона, за использование которого писателя осуждали; но без жаргона текст не был бы так правдоподобен. Приведем примеры:

«– Эй, фитили! – и запустил в них валенком. – Помирю!»

«С выводом на работу – это еще полкарцера, и горячее дадут, и задумываться некогда. Полный карцер – это без вывода».

«– По подъему не встал? Пошли в комендатуру,» – пояснил Татарин лениво, потому что и ему, и Шухову, и всем было понятно, за что кондей».

«– Да он неправильный, всегда брешет», – сказал кто-то». «– Разве правильный в зоне повесят?»

«– Бригадиры разошлись. Шухов побежал к колодцу. Под спущенными, но не завязанными наушниками поламывало уши морозом». [35, с. 219].

«– Сруб колодца был в толстой обледи, так что едва пролезало в дыру ведро. И веревка стояла колом».

Язык в рассказе представлен многопланово. Переплетены эти планы очень тонко, но с лексической позиции элементы состава переплетены гораздо четче.

Мы можем утверждать, что основной пласт лексики в рассказе – слова из речи общелитературной, но при первом чтении может показаться, что это ошибочно. В истории русской литературы схожие примеры, в которых отражена «внелитературная» форма употребления языка. Это можно наблюдать в текстах Гоголя, Лескова, в советской литературе – это Леонов, у Бабеля и Зощенко. Упор здесь можно сделать на любой пласт из лексики, но в качестве основного всегда будет язык литературы, ведь произведение в таком случае художественным уже не получится назвать.

В рассказе «Один день Ивана Денисовича» жаргонная и диалектная лексика нужна для ярких стилистических речевых средств. Есть ощущение, что жаргон тут преобладает, но нет. Литературная лексика показана здесь в качестве нейтрального фона, она не так ярка и не сразу заметна глазу. Выразительная речь героя и представителей из его окружения создается автором при помощи разных средств общелитературной лексики с наложением на разговорно-просторечную синтаксическую структуру:

«– Из рыбки мелкой попадались все больше кости, мясо с костей сварилось, развалилось, только на голове и на хвосте держалось. На хрупкой сетке рыбкиного скелета, не оставив ни чешуйки, ни мясинки, Шухов еще мял зубами, высасывал скелет – и выплевывал на стол. В любой рыбе он ел

все, хоть жабры, хоть хвост, и глаза ел, когда они на месте попадались, а когда вываливались и плавали в миске отдельно – большие, рыбы глаза – не ел. Над ним за то смеялись».

Другой пример: «Снуют зэки во все концы! Одно время начальник лагеря еще такой приказ издал: никаким заключенным в одиночку по зоне не ходить. А куда можно – вести всю бригаду одним строем. А куда всей бригаде сразу никак не надо – скажем, в санчасть или в уборную, – то сколачивать группы по четыре-пять человек, и старшего из них назначать, и чтоб вел своих строем туда, а там дожидался, и назад – тоже строем» [цит. по: 35, с. 223].

Обратимся к тексту Шаламова. Как и у Солженицына, тексты Шаламова содержат литературную лексику, выступающую нейтральным фоном. Но в текстах писателя мы видим ещё одну особенность – использование слов литературной лексики в несвойственном им значении. Рассмотрим это на примерах.

Литературное слово «асмодей» обозначает у Шаламова точно такое же значение, какое есть у слова фраер. Синонимы этого слова – “штымпы”, “мужики”, “олени”, “асмодей”, “черти”».

Некоторые слова используются в переносном значении.

Боец охраны – представитель конвойной охраны, сопровождающий заключенных вне стен зоны; часовой на сторожевой вышке: «- Однако у нас не было ни пилы, ни топора – эти особо режущие предметы хранились у бойцов охраны...»

Слово *боец* – это рядовой из конвойной охраны, сопровождающий заключенных за стенами зоны; часового на сторожевой вышке: «- Медведь пробежал мимо избы, где жили наши бойцы, наша охрана...»

Бригадиром у автора является сам заключенный или вольнонаемный, руководящий бригадой: «От первого удара конвоира, бригадира, нарядчика, блатаря, любого начальника я валился с ног...» (2, с. 266).

«Из-за русской печи навстречу мне поднялся человек – знакомый мне бригадир лесорубов Степан Жданов – из заключенных...» (кн. 1, с. 511).

Вольнонаемной в данном тексте названа женщина, работающая в пенитенциарного учреждении по вольному найму: «При хирургическом отделении была своя станция переливания крови, куда сдавали кровь доноры – и вольнонаемные и заключенные, – вольнонаемные получали 1 рубль за кубик, а заключенные в 10 раз меньше» (1, с. 451).

Вольный значит то же самое, что и вольнонаемный: «Человек она (Рыбалова – Н.Х.) была хороший и если различала вольного от заключенного, то не с позиций активного врага заключенных – так учат всех договорников...» (2, с. 296).

Вор – это тот же блатарь: «Федя восхищался привольной жизнью блатарей на прииске, но было в его натуре такое, что мешало сблизиться ему с ворами» (1, с. 33).

Слово *воспитатель* имеет несколько иное для него значение. В тексте так называют работника по культурно-воспитательной части: «По “Берзинскому делу” арестованы и расстреляны многие тысячи людей, вольнонаемных и заключенных – начальники приисков и лагерных отделений, лаг пунктов, воспитатели и секретари парткомов...». [6, с. 24].

Врагом народа называли тех, кто отбывает свой срок по политической статье: «Никаких оздоровительных команд не было для врагов народа» [3, с. 385].

Значение слова *враг* тоже изменилось в текстах Шаламова. По значению оно равно врагу народа: «Железной метлой Полупан был сметен в тридцать восьмом году, получил срок по пятьдесят восьмой статье и предложил начальству искупить свою вину – приводить врагов в христианский вид» (2, с. 308).

Слово *вредитель* также невозможно оставить без внимания. Так называют человека, осужденного за «вредительство»: «Сменщик Скоросеева был галичанин Нарынский – русский военнопленный первой мировой войны,

получивший срок за подготовку заговора для восстановления Австро-Венгрии и чуть-чуть гордившийся таким небывалым, редким делом среди туч “троцкистов” и “вредителей”» (кн. 1, с. 297)

Рассмотрим значение слова *десятник* – это представитель работодателя, его агент. В его обязанности входит присмотр за рабочей силой. Часто этим человеком может быть бытовик. На участках оцепления могут находиться и политические (статья 58): «В лагере для того, чтобы превратиться в доходягу, нужен срок по меньшей мере от 20 до 30 дней при 16-тичасовом рабочем дне, без выходных, при систематических побоях десятников...» (кн. 1, с. 78); «Десятник пограмотней пытался свести баланс, обсчитывая бригады “троцкистов”» (2, с. 22). Друг народа (7).

Слово заключенный имеет свои сокращения. Наиболее известные из них – это з/к, зека (зэка) и зек (зэк), зекашка. Человек, находящийся в заключении: «-Лагерная жизнь так устроена, что действительную реальную помощь заключенным может оказать только медицинский работник».

Иван Иванович – это не просто имя и отчество, это демонстрация презрения в названии для политзаключенного, который может быть по виду и поведению интеллигентом:

«Андреев по опыту знал, что лагерные повара, да и не только повара не любят Иван Ивановичей, как презрительно называли они интеллигенцию» (1, с. 165); «Вот через таких грамотеев я срок имею – сказал Мишка. – Через Иван Ивановичей этих» (кн. 1, с. 491).

Особое место занимают пословицы и поговорки. В тексте Солженицына насчитывается около 158 высказываний с элементами фразеологии, пословиц и поговорок. Некоторые из них стали крылатыми выражениями. Рассмотрим примеры.

«Мороз лют, а бригадир лютей» [цит. по: 35, с. 294].

«Кто кого может, тот того и гложет» [цит. по: 35, с. 304].

«У тех людей всегда лица хороши, кто в ладах с совестью своей» [цит. по: 35, с. 305].

«– Здесь, ребята, закон – тайга. Но люди и здесь живут. В лагере вот кто подышает: кто миски лижет, кто на санчасть надеется да, кто к ходит стучать» [цит. по: 35, с. 306].

В текстах В. Т. Шаламова такого обилия фразеологии не наблюдается.

Перевод текста Шаламова подвержен влияниям моды и отражает, в первую очередь, отношение к самой проблеме в разные временные промежутки. Изначально тиражировался менее строгий перевод, дающий лишь общее понятие об атмосфере того времени, более понятный широкому кругу читателей. Сейчас мы пытаемся более детально разобраться в проблеме, над нами не давит коммунистическая цензура, поэтому мы можем точнее понять действительность, созданную автором на страницах его произведения. Только так мы можем увидеть богатую, уникальную специфику шаламовского мира.

Все рассказы обладают единым музыкальным строем, известным автору. Композиционная цельность показывает нам высокое качество «Колымских рассказов». В данном сборнике можно заменить и переставлять только некоторые рассказы, а главные из них, опорные, должны стоять на своих местах. Те читатели, которые прочли сразу всю книгу, а не отдельные рассказы, получили огромное впечатление. Это можно объяснить неслучайностью отбора, тщательным вниманием к композиции».

Функция переводчика – через осмысленное самостоятельное чтение растолковать другим переводимый им текст. «Колымские рассказы» наполнены творческими авторскими ценностями. Самый первый вариант рассказов писался спонтанно, импульсивно, с чувством; даже тогда, когда Шаламов узнал об ошибке в числе, он решил оставить ее. Линия сюжета в «Колымских рассказах» продвигается то вперед, то назад, а повторения резонируют друг с другом, создавая сложную, фрагментированную, структуру, похожую на мозаику. Переводчик не имеет права что-то менять, выстраивать по своему усмотрению, поэтому должен сохранить и повторить

все ошибки, передавая в полной мере раздробленную реальность и ее атмосферу.

«Читать случайно выбранные отдельные рассказы – означает разрушать шаламовскую концепцию о тщательно продуманном архитектурном целом» – полагает Майкл Мейер Брюер. Далее: «Сама работа, читаемая в оригинальном авторском расположении рассказов, обнаруживает все богатство и сложную переплетающуюся структуру» [10, с. 66-82]. Если переводчик позволит себе попытаться редактировать произведение, вставляя одни рассказы и намеренно убирать другие, то смысл произведения заметно изменится, а заложенный эффект не получится.

По замечанию Брюера, «рассказы находятся в диалоге друг с другом». В книге основание – полифонизм, нет ничего фиксированного, голос автора – это не поучительный монолог. Здесь переплетаются разные голоса, здесь много подробностей, посланий. Здесь нет ничего доказанного, нет утверждений, все подвергается сомнению. Именно поэтому переводчик не имеет права видоизменять композицию авторского текста по своему мнению.

Структура «Зоны» изначально представлена метатекстовым характером: герой-писатель собирает личные старые новеллы в одно целое, и текст создается почти на глазах читателя. Его герой рефлексировать не только над прошлым, но и в жизненном процессе, что находит отражение иногда в его взгляде на себя со стороны третьего лица:

«Когда меня избивали около Ропчинской лесобиржи, сознание действовало почти невозмутимо: «Человека избивают сапогами. Он прикрывает ребра и живот. Он пассивен и старается не возбуждать ярость масс... Какие, однако, гнусные физиономии! У этого татарина видны свинцовые пломбы...». Кругом происходили жуткие вещи» [цит. по: 35, с. 315].

Некоторые произведения расположены от описания прошлого через настоящее, это представляет возможность рефлексивности авторского повествования. «Воскрешение лиственницы» начинается рассказом «Тропа»,

там все события отражены в последних годах заключения самого В. Шаламова в лагере, и уже отсюда он рассматривает свой путь от точки приезда в лагерь (рассказ «Причал ада»).

Обратим внимание на эпитеты. Эпитет (от греч. ἐπίθετον – «приложенное») – троп, который чаще всего бывает прилагательным, реже наречием, существительным, числительным. Эпитет привносит в текст иной смысл, новый оттенок. Он дополняет мнение автора, делает его более развернутым, описывает характер предмета, его признаки и создает соответствующую атмосферу.

Рассмотрим эпитеты в тексте Солженицына: *перерывистый звон, здоровый барак, бригада нерасторопная, мятое лицо, с дымящимся ведром* «-Бригадир в плечах здоров, да и образ у него широкий».

Шаламов в «Колымских рассказах» использует следующие эпитеты: *приземистые бараки, засаленная гимнастерка, голодные глаза, колючие мерзлые камни, горячая печка, наивные листы, рваный голодный сон.*

«Он вглядывался в *изможденные, грязные, равнодушные лица рабочих*» [цит. по: 35, с. 320].

«Все было какой-то единой цветовой гармонией – *дьявольской гармонией*» [цит. по: 35, с. 310].

В текстах рассказов Шаламова эпитетов заметно меньше, чем у Солженицына, и они более «жесткие», порою неприглядные.

Метафора (др.-греч. Μεταφορά – «перенос», «переносное значение»). С древнего греческого языка это слово означает «перенос», свойств одного предмета. Автор сравнивает явления с помощью слов, заменяя смысл.

Обратимся к использованию метафор в рассказе А.И. Солженицына: *дёргать на полы, яро топилась печь, Миновал Татарин.*

«*От бабы меня, гражданин начальник, в сорок первом году отставили*» [цит. по: 35, с. 315].

Метафоры в текстах Шаламова следующие: *инжектор вовсе разболтался, шорох дождя, ноги моиотяжелели.*

Каждое утро Поташников просыпался с надеждой – *не упал ли мороз?*

«-От голода *наша зависть была тупа и бессильна...*».

И эпитетов, и метафор у Шаламова значительно меньше, в его текстах мы наблюдаем меньше образности.

Обратимся к сравнениям. Их задача – сравнить два предмета или явления по отношению к одному явлению (или предмету) с целью нахождения новых, весьма важных свойств.

Рассмотрим сравнения в рассказе Солженицына «Один день Ивана Денисовича»:

«*Работа – она как палка, конца в ней два: для людей делаешь – качество дай, для начальника делаешь – дай показуху*» [цит. по: 35, с. 325].

«*Внутри стоял пар, как в бане, – напуски мороза от дверей и пар от баланды*» [цит. по: 35, с. 323].

«*Иной надзиратель бредёт, как слепой, ему всё равно, а для других это сласть*» [цит. по: 35, с. 330].

«*Вот что... Николай Семёныч... я вроде это... болен... – совестливо, как будто зарясь на что чужое, сказал Шухов*» [цит. по: 35, с. 335].

«*Мороз едкой мглицей больно охватил Шухова, вынудил его закашляться*» [цит. по: 35, с. 342].

Обратимся к тексту рассказов Шаламова: «...*караульные вышки позимнему, похожие на скворечни...*» [цит. по: 35, с. 294].

«*Десятник в намокшем огромном брезентовом плаще с капюшоном, угловатом, как пирамида, появлялся редко*» [цит. по: 35, с. 294].

Как видим, и сравнениями рассказы Шаламова, в отличие от Солженицына, не изобилуют.

Итак, оба автора используют литературную лексику как основу для своих произведений.

2.1.4 Диалектные и просторечные формы в языке рассказа

А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» и «Колымских рассказах» В. Т. Шаламова

В рассказе Солженицына «Один день Ивана Денисовича» главный герой принадлежит крестьянскому сословию, малограмотному, носителю такого пласта лексики, как диалектный. Автор не стал использовать уже приевшиеся всем народные словечки наподобие *апося*, *надысь*, *милок*, *глянь-кось*, а создал выразительную и нешаблонную диалектную речь.

Мы можем говорить не только о диалектном лексическом строе языка, вспомнив слова «*халабуда*», «*наледь*», «*гунявый*», «*ухайдакаться*», но и об его словообразовании – приковывают внимание такие слова, как «*укривище*», «*недотыка*», «*наскорях*», «*удоволенный*», «*смогать*», «*обневолю*». Это очень удачный авторский выбор, потому что появляются новые ассоциативные связи слова и образа.

Стоит сказать, что в лексике крестьянина диалектная речь идёт в неразрывной связке с речью просторечной. Крестьянин малограмотен, и его речевые особенности тесно связаны с местом проживания. Сложно сказать: слова *духовитый*, *хреновый*, *подхватиться*, *самодумка* – это диалектизмы или просторечия. Оба этих пласта лексики важны для создания образа Ивана Денисовича. Его речь нестандартизированная, к ней не применены речевые клише, она насыщена юмором, а главное, что она народная, крестьянская. Солженицын – знаток народной речи. Возьмём, к примеру, слово «*страховать*», оно носит одно из новых (производственно-спортивных) значений. Указывает на значение «предохранять, обеспечивать безопасность действия»: «- Шухов... одной рукой поспешно, благодарно брал недокурок, а вторую *страховал* снизу, чтоб не обронить».

Глагол *состоять* употребляется в несвойственном для него значении: «Привез кто-то с войны трафаретки, и с тех пор пошло, пошло, и все больше

таких красителей набирается: нигде *не состоят*, нигде не работают...» [10, с. 66-82].

Солженицын знал народную речь, так как сам принадлежал к крестьянскому сословию, кроме того, он любил народный язык, увлечённо его изучал, знал его нюансы.

Солженицын при работе над рассказом использовал словарь Даля. Для него была важна достоверность при отборе слов. Для этого слова, которые были взяты не из личного лексикона, сверялись по словарю. «Заковыристые» слова проверялись на сам факт существования и наличие их значений. Диалектная и обиходно-просторечная лексика у Солженицына различна с такими же словами у Даля, лишь только с ними: *доболтки*, *зяблый*, *захрясток* – из повести; *доболтка* (только в ед. ч.), *зябливый*, *захрястье* – из словаря Даля.

Народная речь используется не по шаблонам, по этой причине манера автора кажется «излишне стилизованной». За Солженицыным остается право на самобытность.

У Шаламова мы тоже видим присутствие диалектной лексики. Например, слово *городушница*. Так названа женщина, которая крадет в магазинах: «Демидова была магазинной и квартирной воровкой, городушницей, по терминологии уркачей» [11, с. 72-79].

2.1.5 Тюремный жаргон в рассказе А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» и «Колымских рассказах» В. Т. Шаламова

Для создания правдоподобного рассказа «Один день Ивана Денисовича» Солженицын пользуется тюремным жаргоном. Но обращался он с этим речевым пластом очень аккуратно. Во всём рассказе мы не найдём более 40 слов тюремного жаргона.

Некоторые представители интеллигенции осудили Солженицына за подобную лексику и утверждали, что можно было тюремный жаргон

заменить «приличными» словами. Но было бы это правдоподобно? Или же это был бы фарс? Нельзя в рассказе про лагерь, главный герой которого заключённый, обойтись без тюремного жаргона.

Если мы заменим «неприличные» слова «приличными», то никогда не проникнемся атмосферой тех мест, всем ужасом там происходящего. Рассказ потеряет не только свою уникальность, будет невозможен для воплощения авторский замысел.

К примеру, слово «*параша*» заменим на «*ёмкость для туалета*». Где тогда колорит тех мест, как мы поймём, что тяжело жилось заключённым?

Не все синонимы несут одинаковые оттенки значения. К примеру, нейтральный синоним слова «*шмонать*» – «*обыскивать*». Но слово «*шмонать*» – это не просто устраивать обыск, это предоставление законной возможности поиздеваться над человеком, нанося всевозможные страдания с нравственной и физической стороны:

«Поздней осенью, уж земля стуженая, им все кричали:

– Снять ботинки, мехзавод! Взять ботинки в руки!

Так босиком и шмоняли. А и теперь, мороз, не мороз, ткнут по выбору:

– А ну-ка, сними правый валенок! А ты – левый сними! Снимет валенок зэк и должен, на одной ноге пока прыгая, тот валенок опрокинуть и портянкой потрясти...» [12, с. 136].

Никак нельзя здесь воспользоваться стилистически нейтральным синонимом. Это будет уже пародия на советские лагеря.

Благодаря тюремному жаргону мы можем на некоторое время погрузиться в этот «лагерный» мир.

Некоторые критики сетуют на то, что тюремный жаргон непонятен советскому читателю. Но это не совсем верно. Преступники на Руси были всегда, в любую эпоху, и некоторые словечки к этому времени уже прочно укоренились в языке, другие изначально жаргонные: *стучать* – «доносить», *смыться* – в значении «убежать», *доходить*, *доходяга*, *заначить*, *закуркулить* – «припрятать», *темнить* имеет значение «недоговаривать».

Здесь очень сложно разделить от тюремной лексики общую вульгарно-просторечную из этой стихии. Они обе не являются застывшими, а постоянно изменяющиеся пласты, а иногда взаимно пополняют состав друг друга.

К тому же автор не бросает читателя наедине с непонятными словами, он даёт их толкование прямо в тексте при помощи прямой сноски (*кум, бур*). В некоторых текстовых фрагментах не нужно никаких пояснений, там и так всё ясно из контекста. Например, читатель легко понимает всевозможные сокращения: *гулаг, зэк*, различные сложносокращенные и сокращенные слова, такие как: *начкар, опер*. Вполне легко можно понять и значения тюремных фразеологизмов: *качать права, совать на лапу, травить бдительность, от звонка до звонка*.

Неизвестно, какой целевой аудитории захочется познакомиться с текстом. Кому-то всё будет ясно и без авторских подсказок, а кто-то найдёт здесь что-то новое, при этом расширив свои представления о языке.

Ярые блюстители нравственности против употребления в художественных текстах вульгарных, ругательных слов. Эти слова известны и понятны всем, но воспитанный человек не применяет их в своей речи, как считают блюстители нравственности. Запретить использовать в текстах подобные элементы речи, органично вписывающиеся в произведение – это ханжество. Литература не может и не должна быть «чистой» от подобных слов, если того требует контекст.

Обратимся к текстам Шаламова. Шаламов, как и Солженицын, без использования тюремного жаргона написать правдоподобное произведение. У него мы видим много подобных слов. В текстах Шаламова насчитывается около 250 слов тюремного жаргона. Остановимся на некоторых.

Баклан – носит значение конвоира: «- Серафим с величайшим усилием сообразил, что речь идет о нем, а “бакланами”, очевидно, называют конвоиров за их жадность и всеядность».

Битый фрайер – тот, кто находится далеко от мира преступности, но привычки, законы, морали этого мира ему знакомы. Он умеет за себя

постоять (Грачев): «... тот (фраер – Н. Х.), который настороже, который имел опыт общения с блатарями, называется “битым фраером” – особая группа «чертей»; «... битые фраера, опытные, бывалые фраера, которые могли не только приказывать на работе, но эту работу организовывать, да еще следить за нормировщиками, конторой, начальством разнообразным...» [цит. по: 35, с. 245].

Блатной означал то же, что профессиональный преступник. То же, что и блатарь: «На волю очень хочется, поэтому все – и блатные и фраера – торопились оформить свои документы и выехать, ибо, это понимали и блатари, правительство может одуматься, изменить решение».

В тексте «Надгробного слова» много специфической лагерной лексики: *нары, блатной, бытовик, враг народа, рецидивист, барак, лагерь, уголовник, блатарь, кайло.*

Есть несколько единиц, представляющих особый лагерный метаязык: *кант, припухнуть.*

«Кант» – это широко распространенный лагерный термин. Обозначает он что-то вроде временного отдыха, не то что полный отдых (в таком случае говорят: он «припухает», «припух» на сегодня), а такую работу, при которой человек не выбивается из сил, легкую временную работу».

«Колымские рассказы» – текст, где представлен поиск новых значений и слов, а через них и открывает новое содержание. Новая форма фиксирует исключительное состояние человека в исключительных обстоятельствах, которые возможны и в истории, и душе. Человеческая душа с ее пределами, с её моральными границами растянуты в безгранично-исторический опыт, который помочь тут не сможет.

Репрессированная лексика в текстах «Колымских рассказов» В. Шаламова – не только запрещенная, заменяемую эвфемизмами. Это целая настоящая трагедия в сознании языка, который жил в постоянной несвободе. Совместно с этим показан способ решения внутриязыковой дилеммы «жизнь-смерть» посредством выбора, совершающегося каждую минуту.

Язык показан решающей силой в этом выборе. Мы видим, что, даже несмотря на ложь и смерть, властвующую в мире, язык безусловно нуждается как в правде, так и в жизни.

2.2 Особенности словообразования в рассказе А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» и «Колымских рассказах»

В. Т. Шаламова

В рассказе «Один день Ивана Денисовича» мы наблюдаем авторское употребление слов и их словообразование. Отличительная особенность заключается в полном естественном совпадении свойств речи народа с его структурными и выразительными элементами в основе его стилистики. Отсюда словотворчество Солженицына вовсе не представляется читателю непривычным, а наоборот, показывает картину исключительной достоверности изображения, что и есть средства общенародного языка.

Однозначно мы не сможем отличить абсолютно все «солженицынские» слова от уже существовавших раньше. Он и сам сделать этого не смог. Но слова эти органичны для своей речевой среды, которая представлена нам автором. В текстах особенности «собственно солженицынских» и «несобственно солженицынских», но им же использованных в тексте рассказа, одинаковы по своему составу. Состав этих слов обновлен, намного эмоционален, выразителен, энергичен, свеж. Например, *недокурок* (вместо известного *окурок*) – говорит обо всем явственно и сразу.

Посмотрим «солженицынские» глаголы *обоспеть* (всюду ловко успеть), *додолбить*, *вычувивать*, *пронырнуть*, *ссунуть* (с лица тряпочку), *сумутиться* (суетиться), *засавывать*. Глаголы эти представлены динамично, явно насыщены разными оттенками по своим значениям, характеризуют темп, ритм, степень интенсивности и психологическую окраску. Благодаря существованию этих слов, мы можем испытать и на себе как бы эффект присутствия.

Солженицын использует слова предельно эмоционально насыщенные. Например, слово *перевздохнула*. Заключённые очень ждут бурана, ведь в буран работа отменяется.

«– Эх, буранов давно нет! – вздохнул краснолицый латыш Кильгас. – За всю зиму – ни бурана! Что за зима?!

– Да... буранов... буранов... – *перевздохнула* бригада» [цит. по: 35, с. 261].

Есть слова с такими смысловыми оттенками, к которым совершенно нельзя подобрать точный синоним, не лишив слово при этом всех оттенков значения. Заключённые употребляют кашу *безжирную*. При замене на нейтральный синоним «нежирная» или на синонимичную грамматическую конструкцию «без жира» теряется выразительный смысл данного слова.

Чтобы одновременно показать и выразить свое отношение в виде ненависти и презрения к надзирателю, его именуют *дежурняк*.

Другой пример неологизма Солженицына: «Он крикнул что-то надзирателям, и надзиратели, без Волкового не понявшие, кое-как тут *зарьялись*, кинулись, как звери» [цит. по: 35, с. 266].

Рассмотрим и другие примеры, наделённые в тексте у Солженицына весьма неожиданной экспрессией:

1) таким может быть слово, например, *тленный*, слово это сейчас почти не используется, имеет значение «гниющий, гнилой». Оно малоупотребительно и во всех других своих значениях: «разварки *тленной* мелкой рыбешки»;

2) нехарактерное для конкретной ситуации использование слов: « -До обеда – пять часов. *Протяжно*». Автор смог создать и такую удивительную фразу как «ботинки с простором»;

3) грамматическое нарушение формы слова – деепричастия *жда*, *проля*, которые дают возможность сопоставления так называемых ими побочных действий с основными: « -Фу-у! – выбился Шухов в столовую. И

не ждя, пока Павло ему скажет, – за подносами, подносы свободные искать». [по: 35, с. 274].

Здесь слово *ждя* скрепляет всю фразу, показывает одновременность и стремительность действий Шухова. Ему нужно было одним из первых попасть в столовую, сориентироваться на месте, и, помня, что для порядка бы помбригадира сначала спросить, почти сразу бежать за подносами, иногда даже вырывая их у зэков других бригад.

Говоря о «Колымских рассказах» Шаламова, мы так же, как и в случае с Солженицыным, не можем уверенно утверждать, что эти слова авторские, но точно знаем, что после знакомства читателя с текстом они врезались в память, запомнились ему. Рассмотрим несколько из них.

Арестант – заключенный: «Казалось естественным, что арестант, заключенный должен работать...» [по: 35, с. 288].

Колымский арестант – отбывающий свой срок на Колыме:

«Александр Иванович дорожил доской, засовывал ее под матрас в те немногие часы, когда обессиленный бдительностью своего круглосуточного дежурства Александр Иванович впадал в забытие – обычный сон колымского арестанта, не снимая ни телогрейки, ни двух своих серых халатов...» [по: 35, с. 289].

Данное слово образовано от слова *арест* суффиксальным способом.

Беспредельщик – так названы те, кого не относят ни к категории «воров в законе», ни к «сукам». Они «-Не выдвигают никаких лозунгов, кроме тех, которые являются агитацией на месть и кровавую вражду к «сукам» и к ворам – в одинаковой мере». Образовано суффиксальным способом.

Беспредельщина – одинаково по значению с *беспредельщиком*: «Блатари третьей группы получили выразительное название беспредельщины» [цит. по: 35, с. 294]. Образовано суффиксальным способом.

Блатарь в иерархии – это преступник-профессионал: «-Другие конвоиры поступали еще хуже – возлагали эту важную обязанность

(выбивание плана – Н.Х.) на блатарей, которых всегда вливали в бригады 58 статьи». «-Это был Кононенко, блатарь, с которым Голубев был вместе на пересылке несколько месяцев назад, многосрочник – убийца, видный блатарь...»; «-Доносчики эти – обычные коммунисты бывшие, вредители, или родовитые интеллигенты, или потомственные блатарии». Образовано с помощью суффиксального способа.

Блатарка – тот же *блатарь*, но женского рода: «-Одна его (Живкова – Н.Х.) приятельница была блатарка, «завязавшая» и перешедшая в мир «фраеров». Образовано суффиксальным способом.

Бытовик, *бытовичка* – лицо, находящееся под следствием или осужденное не по политическому делу: «-Штатный санитар – это бог, обязательно бытовик, гроза всех осужденных по пятьдесят восьмой статье». Образовано с помощью суффикса.

Бытовичок – одинаково по значению со словом *бытовик*, но применяется в большей степени к шустрому лицу, который ловко использует свои привилегии «друга народа»: «Женька Кац, приятель Черникова, был бойкий «бытовичок» [цит. по: 35, с. 294]. Образовано суффиксальным способом.

Ветеран тридцать седьмого года – политический заключенный: «Мы, видавшие Колыму, мы, ветераны тридцать седьмого года, знали, что луч шей жизни не будет» [цит. по: 35, с. 304]. Собственно, авторская лексика.

Военщина – профессиональные преступники, принимавшие участие в Великой Отечественной войне. Образовано суффиксальным способом.

Вольняжка (вольняшка) – то же, что вольнонаемный работник:

«Сторож был вольнонаемный, вольняшка, а теперь это завидное место». [цит. по: 35, с. 314]

Зек (зэк) – то же, что заключенный. «Результат усечения существительного зека (зэка), возникшего в советской судебной и юридической практике из сокращения з/к: «Видите, фельдшер», – сказал

Новиков, избегая прибавлять «гражданин» и таким образом, как бы напоминая мне, что я – бывший зэк». СНОСКА Образовано путём сложения.

Зека (зэка) – то же, что заключенный: «Жили вместе – вольнонаемные и рабочие зэка» [цит. по: 35, с. 316]. «Махновцу пришлось работать грузчиком на том же самом складе, где он ишачил пять лет в чине зэка» [цит. по: 35, с. 318]. Образовано путём сложения.

З/к – то же, что заключенный (в названии официального документа лагерной администрации): «Права з/к з/к» или, вернее, правила содержания заключенных, которые состояли из двух частей: 1. Обязанности: заключенный должен, заключенный не должен...» [по: 35, с. 294]. Образовано путём сложения.

2.3 Грамматические особенности рассказа А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» и «Колымских рассказов»

В. Т. Шаламова

Для каждого стиля речи характерны свои грамматические особенности. Мы в своей работе рассматриваем художественные тексты, основанные на реальных событиях. С точки зрения жанра, перед нами эпос, а конкретнее, рассказы. В рассказе «Один день Ивана Денисовича» А. И. Солженицына повествуется об одном событии, в сборнике В. Т. Шаламова «Колымские рассказы» историй много, но каждой из них посвящён отдельный рассказ.

Художественный стиль характеризуется обилием всевозможных языковых средств, в частности, заимствованных из других жанров. Отличительной особенностью художественного стиля является наличие морфологических и синтаксических свойств.

Больше всего в художественных текстах делается акцент на глаголах, местоимениях, прилагательных и причастиях. Эти части речи придают тексту динамичность, искренность. Текст художественного стиля использует весь

обширный ассортимент синтаксиса – знаки препинания, причастные обороты, прямая речь, цитаты.

В текстах Солженицына и Шаламова часто употребляется глагол «знать» в утвердительном значении, в отрицательном значении они используются реже и, чаще всего, со словом «ещё».

«Свободной рукой еще бороду опробовал на лице – здоровая выперла, с той бани растет, дней боле десяти. А и не мешает. Еще дня через три баня будет, тогда и побреют. Чего в парикмахерской зря в очереди сидеть?» [11, с. 72-79].

Глагол «знать» используется чаще всего в утвердительном значении.

«Все это Шухов знал. Знал, что и вечером освободиться не проще» [10, с. 66-82].

«Шухов не был из тех, кто липнет к санчасти, и Вдовушкин это знал» [7, с. 3-21].

У Солженицына встречаются слова «понимать» и «понять», чаще всего они употребляются с отрицательным значением для того, чтобы показать непонимание происходящего на воле. У Шаламова эти формы так же встречаются в отрицательных конструкциях.

Интересно, что Солженицын и Шаламов для объяснения и уточнения слов «понятный», «ясный» используют союзы «потому», «поэтому». Ведь содержание высказываний ясно и понятно обитателю лагеря, а не вольному гражданину. Также для внесения ясности используются вставные конструкции со скобками для пояснения некоторых понятий и явлений лагерной жизни.

А Солженицын и Шаламов используют слова со значением уверенности: «конечно», «бесспорно», «разумеется».

У А. Солженицына и В. Шаламова много конструкций со значением второго лица единственного числа. При их помощи говорящий обобщает свой личный опыт, подчёркивает типичность ситуация для самого себя, то есть использует обобщение по отношению к самому себе.

В текстах преобладают простые предложения:

«Но люди и здесь живут» [цит. по: 35, с. 194].

«И ночью не угрелся» [цит. по: 35, с. 192].

«Шухов не вставал» [цит. по: 35, с. 194].

«Посылки выдавали на вахте. Бригадиры удостоверяли личность получателя» [цит. по: 35, с. 294]

Также активно используются обособленные определения:

«Перерывистый звон слабо прошел сквозь стекла, намерзшие в два пальца, и скоро затих: холодно было, и надзирателю неохота была долго рукой махать». [по: 35, с. 304]

Однородность в текстах Солженицына и Шаламова используется повсеместно.

«Вагонка затряслась и закачалась. Шухов скинул бушлат с лица, приподнялся» [по: 35, с. 282].

«Нам ведь давали в пайке табак, снятый по срокам хранения с армейских складов, – авантюра гигантских масштабов: на лагерь списывались все продукты, что вылежали сроки хранения» [цит. по: 35, с. 254].

Рассмотрим синтаксические особенности рассказа Солженицына. Он достаточно часто ищет опору в народной мудрости в русских пословицах и поговорках, присказках, словечках.

Чтобы усилить смысл своих высказываний, автор прибегает к таким приёмам, как:

- 1) ритмизация речи;
- 2) различные повторы;
- 3) зрительные, графические средства передачи синтаксиса;
- 4) непривычная, авторская пунктуация.

Не менее важна такая особенность текстов Солженицына, как многообразие форм иронии. Нашла она отражение и в рассматриваемом нами рассказе.

Полемичность – постоянное свойство стиля Солженицына. Полемика усиливает напряжённость стиля, создаёт предельную сжатость, уплотнённую мысль, чёткую внутреннюю структурированность. В рассказе мы видим пристрастность, кажущаяся излишней субъективностью, но это и вызывает интерес.

Другая важная характеристика в стиле Солженицына – это его постоянный незримый контакт, диалоги с читателем, которые умело проведены посредством своего героя – Ивана Денисовича.

В текстах обоих авторов присутствует инверсия, которая выделяется посредством перестановки слова. Это оказывает влияние и на дальнейший смысл всего сюжета.

Рассмотрим, как её использует Солженицын: «-Раздосадовался Шухов, затоптался – не повернуть ли к седьмому барaku».

« -Слышно скрипел снег под ногами».

У линейки метался младший нарядчик.

«-На глазах доходит капитан, щёки ввалились, – а бодрый».

Рассмотрим текст Шаламова: «-Если могли промерзнуть кости, мог промерзнуть и оупеть мозг, могла промерзнуть и душа».

Подошел другой конвоир – Серошапка.

Лил дождь.

Солженицын чаще, чем Шаламов, использует инверсию.

В текстах Солженицына и Шаламова присутствуют многоточия, используются они в качестве недоговорённости, а не намеренной недосказанности; также они применяют их в ретроспективной функции, ведь одна из главных целей – задокументировать происходящий ужас [10, с. 66-82]. Приведем примеры.

«-Из химического карандаша делали чернила, и чернилами сквозь изготовленный бумажный трафарет наносили узоры на карту - дамы, валеты, десятки всех мастей...».

«-Тут же кто-то ударил меня по голове чем-то тяжелым, и, когда я вскочил, пришел в себя, сумки не было. Все оставались на своих местах и смотрели на меня со злобной радостью. Развлечение было лучшего сорта. В таких случаях радовались вдвойне: во-первых, кому-то плохо, во-вторых, плохо не мне. Это не зависть, нет...».

«-Крест обычно был гладким, но если случались художники, их заставляли иглой расписывать по кресту узоры на любимые темы: сердце, карта, крест, обнаженная женщина...».

«-Вот, тряпки. Лепёху эту...».

««- Не сниму», - сказал Гаркунов хрипло. - Только с кожей...».

«-Я мог бы сделать это и один, - усмехнулся Багрецов, - но вдвоём веселее.». «- Да и для старого приятеля...».

«-Завтра они продадут бельё, променяют на хлеб, может быть, даже достанут немного табаку...».

«-Значит, и ты...».

«-Надо ведь подавать сведения, списки. Потом опять отчислять...».

«-Дугаев хорошо помнил северную поговорку, три арестантские заповеди: не верь, не бойся и не проси...».

«-Сны снились особенно мучительные – буханки хлеба, дымящиеся жирные супы...».

«- А где же сахар? Да и чернослива – две-три горсти...».

«- Бурки – это чересчур шикарно... Это не подобает. Притом...».

«-Это не зависть, нет...».

«-Я давно научился засыпать раньше, чем согреются ноги, - когда-то я этого не мог, но опыт, опыт...».

« -И понял, что смысла жизни нет... Нет...»

«- Мы понимали, что правда и ложь – родные сёстры, что на свете тысячи правд...».

«- Утром мы раздували головни, вспыхивал желтый огонь, и на разгоревшийся костер мы наваливали бревно потолще...».

« -Составили акт – одеты по сезону...»

« -Все перепробовал Магомет: трубу, игру на тамбурине, сигнальный огонь – все было отвергнуто Магометом...».

«- Мама, я живу хорошо. Мама, я одет по сезону...».

Очень часто авторы «лагерной прозы» используют риторические вопросы. Солженицын нередко даёт ответы на них, тогда они перестают быть привычными риторическими вопросами. Писатель пытается доходчиво и подробно, со всеми тонкостями объяснить своему читателю происходящее:

«– Что же не растопляешь?

– Денег у меня видишь сколько? – сказал Шапаренко. – Что такой фитиль, как ты, может дать? Бери хлеб и масло и отрывайся быстро.

«– Там, верное дело, месяц погреться негде будет – ни конурки. И костра не разведешь – чем топить? Вкалывай на совесть – одно спасение».

ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ

Во второй главе мы сравнили лексические, морфологические и синтаксические особенности рассказов двух авторов. Привели примеры из текстов.

Общим в произведениях А. И. Солженицына и В. Т. Шаламова является восприятие окружающего «лагерного мира» как ада на земле, обыденности человеческой смерти, полного абсурда всего происходящего, упоения властью, данной государством.

Концепция «лагеря» в произведениях двух авторов различна.

Солженицын А. И. «Один день Ивана Денисовича».

- 1) Лагерь-форма расточительства народных сил и талантов.
- 2) Обращение к вере (вера спасает).
- 3) Повествование преимущественно от 3 лица.
- 4) Публицист, экспрессивен, эмоционален.
- 5) Слабый ломается, сильный закаляется. Погибает тот, кто ломается.

Шаламов В. Т. «Колымские рассказы».

- 1) Лагерь никого не делает лучше, он ломает.
- 2) Нет места вере, иллюзиям.
- 3) От 1 лица (живое свидетельство).
- 4) Документальность, этнографическая точность, лаконичность. Проза как документ без эмоций и авторской оценки.

5) Большая часть заключенных ломается, предел человеческих сил очень близок, где человек становится «доходягой».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, конструктивный анализ произведений двух разных писателей, вызванный желанием разобраться в трудном содержании лексики и семантики лагерной тематики в художественной литературе, обусловлен факторами деятельности внеязыкового характера. Изучение дало возможность сформулировать ряд выводов, что разрешают некоторые моменты на спорные вопросы поставленной проблемы исследования.

Актуальность лагерной тематики в художественной литературе резко выросла во второй половине XX столетия. Большинство советских писателей рассказывали о тяжелейших условиях советских лагерей, в которых содержаться много заключенных. Поскольку писатели сами сидели и видели всю жизнь изнутри, то рассказы наполнены настоящими эмоциями. Сидевшие писатели смотрели на условия глазами простого человека, который был лишен всего, что ему было дорого до этого. Правительство унижает и уничтожает человека как личность посредством репрессий и насилия. Только пройдя адский путь данного пути человек по-настоящему понимает все положение ситуации. Повести только частично приоткрывают нам дверь, за которой нам, к счастью, не суждено оказаться. Нам суждено только прочувствовать тот страшный мир.

Более точно лагерную тематику раскрыли А. И. Солженицын и В. Т. Шаламов в своих произведениях. Над Рассказами и Архипелагом авторы трудились не один год. Это, можно сказать, энциклопедия по устройству лагерной жизни. Оба автора успешно добиваются ясной и точной убедительности, воссоздают психологическую и материальную атмосферу. Художественный текст наделен многочисленными приметам, рисующими читателю истинный реальный мир.

В рассказе Солженицына «Один день Ивана Денисовича» значительная часть героев – подлинные, взятые из жизни. Например, бригадир Тюрин, сюда же отнесем и кавторанга Буйновского. Исключительно то, что лишь

главный герой рассказа Шухов выступает в роли собирательного образа солдата-артиллериста из батареи, где был командиром на фронте сам автор, и заключенного Щ-262 Солженицына. Произведение «Колымские рассказы» Шаламова тесно связано с отбыванием ссылки писателя на Колыме. Это дает возможность утверждать и высокую степень детализированности. Автором уделено внимание и страшным подробностям, которые нельзя понять без боли в душе – холод и голод, иногда даже лишаящие человека рассудка, гнойные язвы на ногах, жестокий беспредел уголовников, занимающих разное положение в их иерархической лестнице. В рассказе «Плотники» Шаламовым показано наглухо замкнутое пространство: «густой туман, что в двух шагах не видно было человека», «немногие направления»: больница, вахта, столовая, – все это и для Солженицына будет символично. В рассказе «Один день Ивана Денисовича» узникам враждебны и опасны открытые участки зоны, ведь абсолютно каждый из заключенных хочет как можно быстрее, насколько это возможно, пробежать участки между всеми помещениями, что будет полной противоположностью героям из русской литературы, традиционно любящим ширь и даль. Пространство, ограниченное зоной, стройкой, бараком. Заключенные отгорожены даже от неба: сверху на них непрерывно слепят прожектора, нависая настолько низко, словно лишают этих людей воздуха.

Но все же в произведениях Солженицына и Шаламова лагерь тоже различен, подразделяется по-разному, так как у каждого автора свои взгляды и своя философия на одни и те же вещи.

В лагере у Шаламова герои уже переступили грани между жизнью и смертью. Люди пока что и проявляют ещё какие-то признаки жизни, но они уже мертвы, ведь они лишены всяческих нравственных принципов, памяти, воли. В этом круге, который замкнулся, навсегда остановилось время, тут царят голод, холод, издевательства. Люди утрачивают свое прошлое, забывают имя жен, теряют всяческую связь с окружающими и реальностью. Их душа притупляется, утрачивает способность видеть, где же правда, а где

ложь. Стирается даже обычная потребность в простом общении. «Мне все равно – будут мне лгать или не будут, я был вне правды, вне лжи», – указывает Шаламов в рассказе «Сентенция».

Отношения среди людей и смысл их жизни ярко отражен в рассказе «Плотники». Задача строителей заключена в том, чтобы выжить «сегодня» в пятидесятиградусный мороз, а «дальше», чем на два дня, нет смысла думать. Люди совершенно равнодушно относятся друг к другу. «Мороз» добрался и до души человеческой, она вымерзла, сжалась и, быть может, навсегда будет холодной.

В лагере Солженицына, наоборот, сохранены живые люди, как Иван Денисович, Тюрин, Клевшин, Бухенвальд. Они удерживают свое внутреннее достоинство и «себя не роняют», не позволяют себе унизиться за сигарету, за паек и однозначно не вылизывают тарелки, не доносят на товарищей ради своей выгоды. В лагере царят собственные законы: «В лагерях вот кто подышает: кто миски лижет, кто на санчасть надеется да кто к куму ходит стучать», «Кряхти да гнишь. А упрешься – переломишься», «Кто кого сможет, тот того и гложет». Лагерь, по Солженицыну, – это огромное зло, насилие, но страдание и сострадание способствует нравственному очищению, а состояние несытости заключенных помогает приобщиться к более высокому нравственному существованию. Иван Денисович неоднократно доказывает, что душу невозможно заточить в плен, нельзя лишить ее свободы. Даже формальное освобождение не сможет изменить внутренний мир героя, его ценности. Шаламов, в отличие от Солженицына, явно разграничивает тюрьму и лагерь. Картина мира переворачивается: человек не перестает мечтать попасть из застенков не на свободу, а в тюрьму. В рассказе «Надгробное слово» есть точное доказательство: «Тюрьма – это свобода. Это единственное место, где люди не боясь, говорили все, что думали. Где они отдыхают душой».

Творческая деятельность и философия двух таких разных писателей ведут к разным выводам о жизни и смерти.

По Солженицыну, в лагерях была и будет жизнь: даже сам Шухов уже не представляет свое «существование» на свободе, да и Алешка-баптист рад будет остаться в лагере, так как только здесь мысли человека приближаются к Богу. За стенами зоны жизнь, полная преследований, она для них уже «непонятна». Осуждая бесчеловечную систему, писателем создан подлинный народный герой, сумевший преодолеть все испытания и сохранить в себе самые лучшие качества русского народа.

В рассказах Шаламова не просто лагеря Колымы, огороженные колючей проволокой. За этими пределами живут свободные люди, но и все, что находится за пределами зоны, также втянуто в пучину насилия, репрессий. Вся страна представляется как лагерь, где все живущие в нем обречены. Лагерь не изолирован от мира. Это слепок того же общества. Проходя через все страдания и боль, Солженицын и Шаламов выступают как народные герои, сумевшие донести всю картину общества того времени очень точно. Их объединило наличие широкой души, способности творить и созерцать.

В нашей работе мы представили лишь малый фрагмент языковой картины у А. И. Солженицына и В. Т. Шаламова. В дальнейшем было бы продуктивно и полезно продолжить изучение всех особенностей семантики и структурной организации других полей, что могло бы послужить базой для создания идеографического словаря произведений выбранных нами писателей. Кроме того, самые важные для современной науки результаты могли бы представлять анализ приемов включения элементов из лагерной речи в художественный текст произведений лагерной прозы других авторов. Эти исследования могли бы дать почву для решения проблем взаимоотношений лагерной речи и литературного языка советской и постсоветской эпохи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Литература:

1. Архангельский, А. 40 лет Ивана Денисовича [Текст] / А. Архангельский // Известия. – 2002. – 19 ноября. – С. 9.
2. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция [Текст] / Д. Н. Ушаков. – М.: Изд-во «Дом Славянской кн.», 2008. – 959 с.
3. Библиография [произведений А. И. Солженицына] / сост. А. Артемова // Собр. соч.: в 6 т.: с прил. крит. статей о творчестве авт., материалов о присуждении ему Нобелев. премии, библиогр. его произведений и док. по так называемому «делу Солженицына». Т. 6. «Дело Солженицына». Нобелевская премия. О творчестве А. Солженицына / Александр Солженицын. Frankfurt a. – М.: Посев, 1970. – С. 367-385.
4. Бруер, М. Изображение пространства и времени в лагерной литературе: «Один день Ивана Денисовича» и «Колымские рассказы [Текст] / М. Бруер // Шаламовский сборник. – М. 2011. – Вып. 4. – С. 143-151.
5. Верещагин, Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Изд-во «Рус. яз.», 1990. – 246 с.
6. Вознесенская, Т. Лагерный мир Александра Солженицына: тема, жанр, смысл [Текст] / Т. Вознесенская // Литературное обозрение. – 1999. – № 1. – С. 20-25.
7. Волкова, Е. Варлам Шаламов: поединок слова с абсурдом [Текст] / Е. Волкова // Вопросы литературы. – 1997. – № 6. – С. 3-35.
8. Волкова, Е. Трагический парадокс Варлама Шаламова [Текст] / Е. Е. Волкова. – М.: Изд-во «Республика», 1998. – 175 с.
9. Волкова, Е. В. Эстетический феномен В. Шаламова [Текст] / Е. В. Волкова // IV Международные Шаламовские чтения. – М., 1997. – С. 7-23.

10. Газарова, Д. Ад аду рознь, или семантико-прагматические особенности «лагерной прозы» А. Солженицына, В. Шаламова и С. Довлатова [Текст] / Д. Газарова // Вестник Ереванского университета. – Русская филология. – 2016. – № 1 (4). – С. 66-82.

11. Газизова, А. А. Конфликт временного и вечного в повести А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» [Текст] / А. А. Газизова // Литература в школе. – 1997. – № 4. – С. 72-79.

12. Голубков, М. М. Русский национальный характер в эпосе А. Солженицына [Текст] / М. М. Голубков // Отечественная история. – 2002. – № 1. – С. 135-146.

13. Гулак, А. Т. О формах повествования в рассказе А. И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» [Текст] / А. Т. Гулак, В. Ю. Юровский // Русская речь. – 2006. – № 1. – С. 39-48.

14. Есипов, В. В. «Варлам Шаламов и его современники» [Текст] / Е. И. Высочина, Л. А. Якушева. – Вологда: Изд-во «Книжное наследие», 2007. – 272 с.: ил.

15. Запевалов, В. Н. Научная конференция «Александр Солженицын». К 30-летию выхода в свет повести «Один день Ивана Денисовича» [Текст] / В. Н. Запевалов // Русская литература. – 1993. – № 2. – С. 251-256.

16. Зорин, А. «Внебрачное наследие ГУЛАГа» [Текст] / А. Зорин // Новый мир. – 1989. – № 8. – С. 4.

17. Латынина, А. Крушение идеократии: От «Одного дня Ивана Денисовича» к «Архипелагу ГУЛАГ» [Текст] / А. Латынина // Литературное обозрение. – 1990. – № 4. – С. 3-8.

18. Левитская, Н. Г. Александр Солженицын: библиогр. указ.: август 1988-1990 гг. / Н. Г. Левитская; предисл. Е. Ц. Чуковской; Совет. фонд культуры, Дом Марины Цветаевой. – М.: [б. и.], 1991. – 127 с.

19. Лейдерман, Н. Л. Русская литература XX века: в 2 т. [Текст] / Н. Л. Лейдерман, М. Н. Липовецкий. – Т. 1: В метельный ледяной век: О «Колымских рассказах». – 5-е изд. – М.: Изд-во «Академия», 2010. – 412 с.

20. Литературный энциклопедический словарь [Текст] / под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – М.: Изд-во «Сов. Энциклопедия», 1987. – 752 с.

21. Малова, Ю. В. Становление и развитие «лагерной прозы» в русской литературе XIX-XX вв.: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.01 [Текст] / Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина. – Саранск, 2003. – 24 с.

22. Мухина, Е. А. Религиозно-философская проблематика творчества Ф. М. Достоевского в «Колымских рассказах» Варлама Шаламова: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.01 / Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2005. – 28 с.

23. Неверов, А. «Один день» и вся жизнь: [40 лет назад была опубликована повесть А. И. Солженицына] [Текст] / А. Неверов // Труд. – 2002. – 19 ноября. – С. 6.

24. Нефагина, Г. Л. Русская проза второй половины 80-х – начала 90-х годов XX в. [Текст] / Г. Л. Нефагина. – Мн: Изд-во «Экономпресс», 1998. – 231 с.

25. Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений [Текст] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – 4-е изд. – М.: Изд-во «ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ»», 2003. – 944 с.

26. Поэтика лагерной прозы [Текст] / Л. Тимофеев // Октябрь. – 1992. – № 3. – С. 32-39.

27. Россия в концлагере / Ив. Солоневич. – [Sofia?]: Изд. Нац.-трудового союза нового поколения, 1936. – 20 см. – (За Россию). – Т. 1. – 1936. – 291 с., [1] л. ил.: портр.

28. Русские писатели: XX век: Биобиблиогр. слов: В 2 ч. [Текст] / Под ред. Н. Н. Скатова. – М.: Изд-во «Просвещение», 1998. – 22 см. – Ч. 1: А-Л [Текст]. – 783 с., [4] л. портр.

29. Сафронов, А. В. После «Архипелага» (поэтика лагерной прозы конца XX в.) [Текст] / А. В. Сафронов // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. – 2013. – № 3 (40). – С. 139-154.

30. Сидоров, Е. О Варламе Шаламове и его прозе [Текст] / Е. Сидоров // Шаламов В. Т. Воскрешение лиственницы: Рассказы. – М., 1989. – С. 487-492.

31. Сиротинская, И. П. «Мой друг Варлам Шаламов» [Текст] / И. П. Сиротинская. – М., 2006. – 199 с.

32. Сиротинская, И. П. «Шаламов и Солженицын» [Текст] / И. П. Сиротинская. – М., 2006. – С. 73.

33. Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Изд-во «Рус. яз.»; Изд-во «Полиграфресурсы», 1999.

34. Солженицын, А. И. Интервью для радио Би-Би-Си к 20-летию выхода «Одного дня Ивана Денисовича» [Текст] / А. И. Солженицын // Звезда. – 1995. – № 11. – С. 5-7.

35. Солженицын, А. И. (русский писатель; 1918-2008). Один день Ивана Денисовича [Текст]: рассказы / А. И. Солженицын. – Санкт-Петербург: Изд-во «Лениздат», 2014. – 382 с. – (Лениздат-классика).

36. Харитонов, Е. В. Лагерная лексика как источник и носитель национально-специфической информации (лингво-переводческий аспект) [Текст] / Е. В. Харитонов // Вестник Московского Государственного Областного Университета. Серия: Лингвистика. – № 1. – С. 171-175.

37. Чалмаев, В. А. А Солженицын: Жизнь и творчество [Текст] / В. А. Чалмаев // Книга для учащихся. – М.: Изд-во «Просвещение», 1994. – 287 с.

38. Шаламов, В. Т. Точка кипения [Текст] / В. Т. Шаламов. – М.: Изд-во «Сов. писатель», 1977. – 141 с.

39. Шаламов, В. Т. «О моей прозе» [Текст] / В. Т. Шаламов // Новый мир. – 1989. – № 12. – С. 58-66.

40. Шаламов, В. Т. Варлам Шаламов о литературе [Текст] / В. Т. Шаламов // Публикации и комментарии Ю. Шрейдера. Вопросы литературы. – 1989. – № 5. – С. 223-248.

41. Шаламов, В. Т. Воспоминания; Записные книжки; Переписка; Следственные дела [Текст] / В. Шаламов. – М.: Изд-во «Эксмо», 2004. (АООТ Твер. полигр. комб.). – 1066 с.

42. Шаламов, В. Т. О письме в литературную газету [Текст] / В. Т. Шаламов // Шаламовский сборник. – Вып. I. – Вологда, 1994. – С. 104-106.

43. Шаламов, В. Т. Письма А. И. Солженицыну [Текст] / В. Т. Шаламов // Публикации И. П. Сиротинской. Шаламовский сборник. – Вып. 1. – Вологда, 1994. – С. 63-104.

44. Шаламов, В. Т. О литературе. Письма и стихи: [воспоминания, письма, документы] / В. Т. Шаламов // Возвращение: [творческое наследие репрессированных писателей]: сборник / сост.: Е. И. Осетров, О. А. Салынский. – М., 1991. – Вып. 1. – С. 268-302. – Публ., вступ. заметка, примеч. Ю. Шрейдера.

45. Шкловский, Е. А. Варлам Шаламов / Е. А. Шкловский. – М.: Изд-во «Знание», 1991. – 62, [2] с.; 17 см. – (Новое в жизни, науке, технике. Подписная научно-популярная серия «Литература»; 9/1991).

Интернет-ресурсы

46. Википедия / Словари и энциклопедии на Академике. – Текст : электронный. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/20605> (дата обращения: 14.03.2022)

47. Википедия / Словари и энциклопедии на Академике. – Текст : электронный. – URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/22560#:~:text=Субкультура%20—>

%20*%20субкультура%20*,отличающих%20группу%20от%20большинства%20общества (дата обращения: 14.03.2022)

48. Словарь русского языка: в 4-х т. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – Текст : электронный // РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. – URL: <https://kartaslov.ru/значение-слова/лексика> (дата обращения: 14.03.2022)